

ПРОЛОГ

У ненависти свой запах. Противный, кислый. Так пахнут капустные щи, если смешать их со вчерашним компотом. Или полы — старые, деревянные, с мозаикой грибка по плитусам. И пусть сейчас ты на коне, тебя боятся, уважают и обсуждают, но от прошлого никуда не деться. Оно навсегда останется с тобой. Твоя прежняя, несчастливая и бестолковая жизнь... И никакие дезодоранты, духи и прочие ароматизаторы не способны вытравить ее запах. Запах поражения. Только хуже получается, когда в вонь нищеты вдруг вплетается аромат какого-нибудь пижонского «Хьюго Босс».

Это как клеймо. Сколько ни зарабатывай, ни пробирайся наверх, в высшее общество, кислый запах, пропитавший всю твою жизнь, навсегда остается с тобой. Он прячется, маскируется, но в самые неожиданные и счастливые моменты обязательно вырывается наружу. Обволакивает, туманит, пропитывает мозг. Остается одно: выполнить то, о чем думалось долгие годы. И надеяться, что этот кошмар, эта вонь наконец рассеется, как дым.

ГЛАВА 1

*Алена, молодой специалист,
211-й день беременности*

Никогда не забуду тот жаркий июльский вторник.

Закрывать глаза на проблему стало уже невозможно, и я, отпросившись с работы, отправилась к врачу.

Приговор пожилая докторица вынесла мгновенно: «Вы, милочка, беременны. — И уныло поинтересовалась: — Будете прерывать?»

Я честно задумалась. С одной стороны, мне беременность категорически не нужна. Карьера на пике, на Новый год мы собирались поехать кататься на горных лыжах, да и с мужем в последние месяцы отношения довольно натянутые. Но с другой... Я по церквям, конечно, не хожу — но бог ребеночка-то зачем-то послал. И у него — задержка у меня уже большая — наверняка и ручки с ножонками определились, и пальчики выросли.

Я тяжело вздохнула и выпалила:

— Нет. Прерывать не стану. Пусть остается.

— Что ж... Тогда запаситесь терпением, — сочувствующе произнесла врачиха.

Беременность действительно оказалась ужасной тягомотиной. То тошнит, то голова кружится, то на весь свет без всякой причины злишься...

Но месяц шел за месяцем, и к январю мы с малышом — я его называла Пузожителем — друг к другу уже приспособились. Я его гладила, разговаривала с ним и даже — в шутку, конечно! — советовалась по производственным и личным вопросам. А по жизни старалась

следовать правилу: беременность — это ерунда, это не болезнь, это очень естественно. И хотела оставаться на баррикадах — то бишь на работе — до последнего дня. А что, в этом даже есть своя романтика, милая сердцу любой бизнес-леди: встретить первые схватки прямо в офисе. И отправиться в роддом не на пошлой «Скорой» и не в мужниной «девятке», но выпросить у шефины под такое-то дело представительский «мерс».

Но, как и положено офисному работнику, я знала: документы должны быть в порядке. И потому в тридцать недель беременности отправилась в женскую консультацию за декретным отпуском.

— Поздравляю. Ваш отпуск начался с сегодняшнего дня, — улыбнулась врачиха, выписывая голубой листочек больничного. И поинтересовалась: — Куда-нибудь поедете? Или дома собираетесь отдыхать?

— Вообще не собираюсь, — отрезала я и припечатала: — Не то сейчас время, чтобы на больничных отсиживаться. Без достаточных к тому оснований.

Докторша, конечно, взялась меня убеждать, что поздние сроки беременности — основание более чем серьезное, но я в ответ только ухмылялась и сразу из женской консультации отправилась на работу. И прямо на пороге офиса нарвалась. Столкнулась нос к носу с шефиной секретаршей Машкой и услышала сочувственное:

— Ой, Аленка, какой у тебя вид сегодня несчастный!

— А у тебя опять колготки поехали, — отбрила ее я.

Машка, расстроенная, нагнулась искать «стрелку», а я тут же двинула в туалет, к зеркалу. Смотреть, что там у меня за вид. Ну, и ничего страшного. Не Джулия, конечно, Робертс — та и во время беременности умудрилась выглядеть отчаянной красоткой, — но жить можно. Лицо, правда, стало круглым, как каравай. И глаза оттены синевой. И губы подсохли — оттого, что все время пить хочется, а врачи больше литра в день запрещают. Но в целом ничего во мне не изменилось. Все тот же еще

не старый, но уже высококлассный специалист. Личный пиар-менеджер нашей генеральной директрисы — не самая, между прочим, последняя фигура в компании. Ее, компании, почти что лицо — только огромное пузо «бизнес-картинку» портит.

...Пузожитель смотрелся в зеркало вместе со мной. И в животе так плясал, что у меня аж зубы клацали. Пришлось его погладить по тому месту, где, как я полагала, находилась спинка, и сказать:

— Ну все, малыш, не скачи. Уже идем. У нас с тобой сегодня особенно много дел.

Я всегда думала, что ребеночку вместе со мной работать нравится. Но сегодня вдруг мелькнула очень для меня непривычная мысль: «А хорошо ли моему малышу на работе? Не повредит ли ему, что я весь день за компьютером? На быстросупах — или, если повезет, выбираю на бизнес-ланч в ближайший грузинский кабак!.. Постоянно нервничаю, согласовываю, бегаю!.. Может, не зря супруг пугает, что ребеночек мне еще отомстит и будет в отместку за такую несознательную беременность всеми ночами орать как резаный?»

«Сегодня, как с работы вернусь, весь вечер буду лежать, — пообещала я малышу. — И яблочное пюре себе, то есть тебе, сделаю. И даже протертый суп. Хочешь?»

Малыш снова торкнулся — как мне показалось, недовольно и недоверчиво: какие, мол, протертые супы? Сплошное вранье, все равно весь вечер будешь за бумагами сидеть...

А я прямо из туалета направилась к начальнице — нашей генеральной директорше. Сообщила, что с сегодняшнего дня я официально в декретном, но только в наших с ней отношениях это ничего не меняет.

— Вы по-прежнему можете на меня рассчитывать, Анастасия Сергеевна. По крайней мере, до тридцать восьмой недели.

— И в Нижневартовск с нами полетишь? — ухмыльнулась шефиня.

В Нижневартовске через три недели намечалась презентация новой линии нашей кухонной мебели.

— Конечно, полечу, — пожалала плечами я.

Интересное кино: я на подготовку этой презентации столько сил угрохала, а мне теперь предлагают в Москве остаться? Чтобы все лавры моим двум замшам достались?!

— А выглядишь ты неважнецки, — вдруг сменила тему начальница.

Я не выдержала и, плевать на субординацию, взорвалась:

— Да что вы все специально гадости говорите? Нормально я выгляжу и чувствую себя прекрасно!

— Придумали уже, как назвать? — огорошила меня еще одним неожиданным вопросом шефиня.

— Анастасом, в вашу честь, — буркнула я под нос.

— Что-что? — настороженно переспросила она.

— Нет, — говорю, — еще не придумали. Муж хочет Васькой, а у меня Васька — в школе сосед по парте был. Дебил из дебилов.

— Хорошее имя Богдан, данный богом, — задумчиво протянула шефиня.

Нет, только не это! Как ни дорожу я своей работой, но Богданом своего ребенка не назову!

— Да, имя неплохое, — задумчиво сказала я вслух, еле удерживаясь, чтобы не поморщиться.

— Впрочем, у тебя еще будет время подумать, — оборвала меня Анастасия Сергеевна. — В «Тропиках». — И шваркнула о стол какой-то пестрой бумажкой.

— Где-где? — опешила я.

— Ты едешь в дом отдыха. На неделю, в Подмосковье, за счет нашей фирмы. Это тебе подарок — за безупречную работу и в честь начала декретного отпуска.

— Но как же... ведь у меня... — врать не буду: я расте-

рлялась. Неожиданные премии, оказывается, могут озадачить куда больше, чем нагоняи.

— За завтрашний день, будь добра, передай девочкам все дела. А уезжаешь ты послезавтра.

— Но я ненавижу дома отдыха! — наконец обрела я дар речи. — Там же тоска смертная!

— А тебе сейчас полезно потосковать, — пригвоздила директриса. И задушевно, совсем не по-начальничьи, а по-женски, добавила: — На тебе ведь лица нет, так вымоталась! Еще не хватало, чтобы ты преждевременно, по моей вине, родила. Никогда себе этого не прошу.

— Неужели вам меня не жаль?! — не сдавалась я. — В домах отдыха — одни бабки! И матери-одиночки. И тухлые щи в столовой.

— Только не в «Тропиках», — усмехнулась Анастасия Сергеевна. — Это не совсем дом отдыха, а скорее загородный клубный отель. Шикарный, очень модный, очень стильный. Старухи туда не ездят.

— И все равно: гулять по дорожкам — это не для меня!

— Для тебя, для тебя, — отмахнулась начальница. — В твоём положении в самый раз. Да и вообще, отставить разговорчики. Я тебе приказываю ехать отдыхать. Вот и езжай. И чтобы вернулась посвежевшая, расслабленная и счастливая. Ясно?

— Ясно, — признала поражение я.

В конце концов, может, в этих «Тропиках» будет не так уж и плохо.

*Ярослава,
хозяйка косметических салонов*

Отель выглядел роскошно.

Элегантные корпуса в обрамлении зимнего леса. Улыбчивые менеджеры. Номера с каминами и коврами. Манящая — особенно в морозные деньки! — гладь бас-

сейна. И, как гордо сказали на рецепции, уникальный СПА-комплекс. С толстенным «меню» — от его содержимого у любой девчонки потекут слюнки: массажи, уходы, обертывания, альфа-капсула...

Ярослава, стоя у окна своего номера, видела: дамочки, кто заселялся в отель вместе с ней, двинули в сторону СПА-комплекса практически мгновенно. Даже, кажется, чемоданы не успели распаковать.

«И это еще одно доказательство того, что я свой бизнес построила верно», — подумала она.

Ярослава владела сетью косметических салонов. Создала их с нуля. Сколько нервов ушло на это, сколько сил, сколько крови... Да что там, вся жизнь в угоду блестящей карьере положена. По паспорту ей тридцать два, а чувствуешь себя полной старухой. Не внешне, конечно, но по состоянию души.

И вот сейчас она приехала отдыхать. Ближайшая неделя должна выдаться очень занятой. И развлечения ей обеспечит отнюдь не местный СПА-комплекс. Ярослава туда даже заглядывать не собиралась. Зачем? Это только слова, что она на отдыхе, а все равно придется работать. Ведь ей ни на каком массаже-размассаже расслабиться все равно не удастся. Куда ни пойдешь, хоть на «божественную стоун-терапию» или даже на «фулл-боди-тайский аромаход», — она все равно не удержится от того, чтобы не запоминать, не анализировать, не раздражаться. Из-за того, например, что с ее телом работают слишком резко. Или, наоборот, излишне поверхностно. Или — и это хуже всего! — у девчонки-массажистки вдруг окажутся настолько золотые руки, что придется (опять же забыв об отдыхе!) тут же начать ее переманивать в собственные салоны...

Так что увольте, этим вечером Ярослава устроит себе независимое СПА. Перед тем, что ей предстоит, надо набраться сил. Сначала — одинокая прогулка по территории. Колкий морозный воздух, нежно-голубые в хо-

лдном свете фонарей искры снежинок — и завистливые взгляды прочих отдыхающих дам. (А как тем еще реагировать на россыпь светлых, заметьте, натуральных волос поверх серебристой норки?!) А потом, после порции бодрящего мороза, вернуться в номер — и тут же броситься в горячую ванну, сдобренную изрядной порцией ароматического масла. На такие контрасты — снег и пар, уличная зимняя темень и расслабляющее тепло ванны — тело тут же откликнется приятным покалыванием, а лицо украсится беззаботным, почти школьным румянцем.

Ну а после горячей ванны остается лишь побаловать кожу питательным бальзамом (их Ярослава привезла с собой числом шесть, каждый — для разных частей тела) и как заклинание повторить перед зеркалом: «Я красивая. Успешная. Уверенная в себе. И у меня нет никаких проблем». И пусть в этой фразе далеко не все правда — повторять ее все равно приятно.

А потом можно с чистой совестью отключить телефоны и упасть в постель. И наплевать на то, что сегодня вечером в ресторане какое-то «Снежное шоу». И на Андрея Степановича — как он уговаривал ее на «романтическую прогулку по зимнему лесу!» — тоже наплевать.

«Почему я настолько люблю одиночество? Почему так боготворю его, берегу, лелею?.. И в то же время борюсь с ним? *Заставляю* себя общаться, знакомиться, нравиться? Прав, видно, психолог: все мои проблемы идут из детства...»

Ярославе вспомнилось: она еще совсем кроха, года, наверно, два — и уже *тогда* ей хотелось говорить не «мама», не «папа» (тем более что папы и не было), но — «молчи!», «молчи!».

Помнится, мама очень сердилась и кричала: «Ну кто тебя научил этому слову?!»

Да никто не учил. Сама освоила. Шутка ли, в крошечной «однушке» ютятся шесть человек: два брата, сестри-

ца, мама да еще приبلудная, сбежавшая из Казахстана тетка. Братья бесконечно сигналият — изображают машинки; сестрица вечно ноет, у нее от рождения желудок больной и постоянные колики; тетка, не умолкая, бормочет молитвы, перемежая их проклятиями незадавшейся судьбине, а мама тщетно пытается приструнить всех. И сбежать из дома можно только в детский сад или в школу, тоже в кагал¹, потому что прогулки, тем более одинокие, в их поселке детям не позволялись. Слишком неудачное окружение, слишком много опасных соседей — и воинская часть, и колония, и психушка, все поблизости. И все живут, будто так и надо. Будто это нормально, когда кругом сплошь тусклые, пропитые лица да бесконечный мат разносится из окошек битых, ржавых машин. Будто и нет где-то, совсем рядом, другого мира — с чистыми улицами, приветливыми людьми, размеренной, благостной жизнью...

Ярослава еще в раннем детстве решила: в поселке она не останется. Но в мечтах своих до поры никому не признавалась. Секретила планы до того дня, как школу закончила. И, помнится, очень удивила одноклассниц тем, что не осталась даже на выпускной бал: «Ты что, дурная?! Ведь танцы ж будут!» Но Ярославе на местные танцы было плевать. Тем более что и платья выпускного ей не пошили — мама сказала, что в стране непонятно что начало твориться и в такой ситуации швырять деньги на разную блажь она не собирается.

Так что, едва получив аттестат, Ярослава тут же бросилась в новый кагал. Сначала — в духоту плацкартного вагона. А через двое суток тряской дороги уже вступала в столичную круговерть и гам.

«А почему ты поехала именно в Москву? — как-то спросил ее психолог. — Почему, скажем, не в Сочи, не в

¹ Кагал (по Далю) — собрание еврейских мирящих старейшин. В просторечии — шумная крикливая толпа.

Питер? Тоже хорошие города, пусть не такие большие, зато карьеру в них сделать легче...»

Тогда Ярослава, помнится, отделалась избитыми фразами: мол, за лучшей долей положено ехать именно в столицу, город больших возможностей, вот она и поехала... Но психолог — нет бы безропотно схавать ее ответ — взялся копать до сути. И докопался. Сказал, что она, Ярослава, уже отравлена вечной толпой. Шумом. Скученностью. И хотя все это ненавидит, но все равно в этот бардак и стремится. И пытается создать свой собственный, одинокий мир, но под шумной, колготной оболочкой.

Может, психолог прав. Может, ей и правда лучше в толпе. По крайней мере тогда, когда поезд прибыл на Казанский вокзал, Ярослава совсем не растерялась, хотя прежде подобные людские муравейники видела только по телевизору. Она решительно отогнала навязчивых носильщиков. Уверенно отшила парочку джигитов, которые тут же, прямо на перроне, начали виться с «шашлыком да любовью». А вот обступивших ее бабулек — каждая с картонкой, извещавшей о том, что сдаются комнаты, — Ярослава выслушала внимательно. Ужаснулась ценам — тех денег, что в столице просили за «угол», в их поселке хватило бы на аренду добротной «трехи»... Но одно из предложений, исходившее от наиболее чистенькой и тихоголосой старушки, девушка приняла.

Нельзя сказать, что бабушка просила дешево, наоборот. Девушка быстро подсчитала, что ее сбережений едва ли хватит на месяц аренды. Зато жить ей предстоит не в «углу», а в целой комнате с какой-то хитрой штукой под названием «эркер». И расположена эта комната не в ужасном месте под названием Силикатный проезд, а на улице с красивым именем Старая Басманная...

Ну а через месяц она уже немного освоит Москву. И конечно же, найдет деньги, чтобы продлить договор аренды. А то и еще куда переедет. В более удачное место.

Чтобы как в том стихе: «А из нашего окна площадь Красная видна».

— Все. Я решила, — объявила Ярослава старушкам-квартиросдатчицам. — Я хочу жить на Старой Басманной.

И тут же нарвалась: одна из старух, наиболее противная, с красным носом, пригвоздила:

— Ну, ехай, ехай. На Старой Басманной она жить собралась, лимита! Не по тебе райончик!

— Через месяц все равно сюда вернешься. На вокзал, — закивала другая бабка.

— Под вагонами мужиков охаживать, — радостно подхватила третья. — Спрос будет. Вон, — кивок на посланных Ярославой джигитов, — как Аслан с Арсеном на тебя пялятся.

На глазах тут же выступили слезы. И от усталости — все-таки две ночи в поезде почти без сна, — и от обидных слов, и от страха: а вдруг бабки правы? Вдруг покорить Москву не удастся — за месяц-то, с полпинка? Ведь она еще даже не знает, как ей здесь выживать. В чистенькие ряды абитуриентов, что через месяц начнут штурмовать столичные вузы, ей ходу нет; если уж даже в их голимом поселке в аттестат напихали целых пять троек, тут ловить точно нечего. Идти на завод, по лимиту — как девочки из любимого фильма «Москва слезам не верит»? Но остались ли в столице заводы? В поселке-то болтали, что их один за другим закрывают, а территории отдают под вещевые рынки. Вот и получается, что выбор невелик: или самой идти на рынок торговать, под начало какого-нибудь Арсена, или в девицы по вызову, а оттуда, права злобная вокзальная бабка, и до перепихона за гроши на вокзале недалеко...

Да еще и чистенькая старушка — они с Ярославой уже идут по бесконечно длинному подземному переходу — подливает масла в огонь:

— Ты, деточка, такая молоденькая, такая свеженькая,